

ДРАКОНИЙ ХРЕБЕТ

Enna Morada

Enna Morada

Драконий Хребет

<https://litres.ru/73972693>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где люди и ведьмы живут в добре и согласии, вдруг появляется король, при котором всё меняется. Ведьмы нападают на людей, в некогда славном городке царит страх и ненависть. Король вводит жёсткие ограничения: ведьмам запрещено жить среди людей, а специальный Отряд Инквизиции вылавливает и казнит нарушителей. Мэй - обычная девушка из небогатой семьи. Рано осталась сиротой, но продолжила идти по пути отца - истреблять злых ведьм. Обученная охоте, она решила прийти к королю с рискованным предложением: в одиночку найти и убить ведьму, с которой не может справиться даже Отряд Инквизиции. Выбора нет, ведьму давно пора наказать, и кто знает, может дочь великого охотника - единственная, кто сможет это сделать?

Содержание

Глава 1. Люсия Стевец.	4
Глава 2. Охота на ведьм.	16
Глава 3. Особый заказ.	21
Глава 4. Паб «Голова гнома».	27
Глава 5. Эльфийские леса.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Enna Morada

Драконий Хребет

Глава 1. Люсия Стевец.

Когда-то давно, гордая черноволосая Люсия Стевец совершила настоящий подвиг: отдала жизнь за любимого мужчину. Нет, она не умерла, защитив его, не кинулась на летящую на него стрелу, не укрыла его своей спиной. Она совершила кое-что более болезненное и героичное.

Когда Люсии было девятнадцать, ею восхищались все, кто хотя бы слышал о ней. Она уже на тот момент закончила школу и Академию Искусств по специальности скульптура. Она прочитала около миллиона книг, умела отличить, казалось бы, одинаковые картины двух разных художников по мельчайшей детали, разбиралась в сонатах, а некоторые поэмы знала наизусть. Но скульптура была тем, что удавалось ей лучше всего. Её работы были настоящими шедеврами: у людей, сделанных ею из воска, глины, гипса, был настолько живой человеческий взгляд, что становилось жутко. Словно живого человека облили воском и заставили стоять в Музее Глиммербруба долгие годы неподвижно. А чего стоили её крокодилы! Жуткие, в натуральную величину, каждая скла-

дочка на их коже, каждый бугорок на их теле – всё вселяло ужас, настолько живыми, настоящими они были.

Жаль, что скульптур было немного. В Музее Глимерб-руба был крохотный зал, посвящённый статуям, среди них Люсии принадлежали две девушки: Матильда Вистес, богиня природы, изображённая Люсией с крохотной ромашкой в руке и улыбкой, полной умиротворения, с нежным взглядом и шёлковой накидкой на хрупких плечах, и Эстер Харт, первая императрица Миднайт Хот, статная властная женщина, с короной на голове, скипитром в руке и в бархатном императорском пончо. У ног богини и императрицы стояли крокодилы. Один был покрупнее и стоял, смотря куда-то вдаль очень кровожадно, с жутким оскалом. Второй поменьше, и взгляд его был словно добрее, он лежал, положив голову на передние лапы. Почему именно крокодилы? Разве мало милых, добродушных животных? Зачем Люсии вселять ужас в смотрящих на её скульптуры? На эти вопросы у художницы ответа не было. Она тактично молчала или переводила тему, когда речь заходила именно о крокодилах.

Было в Люсии ещё кое-что, за что её так сильно любили. Она и сама была, словно вылеплена, выточена из мрамора чьими-то заботливыми руками. Её глаза цвета ольхи под солнцем, всегда блестели энтузиазмом, жадной творчеством и знаний, её чёрные кудрявые волосы искрились по спине, словно ручей, переливающийся на солнце. Подбородок, скулы, нос – каждая черта её лица была настолько аккуратной,

словно кто-то вымерял по линейке, создавая её. На стройной фигуре модные для того времени приталенные платья с расшитым стразами поясом смотрелись так, словно были её кожей. Ей подходило всё, но больше всего – огонь в её глазах. Он притягивал к себе и не давал высвободиться.

Так случилось с Маркусом. Он всю жизнь до встречи с Люсией посвятил уютному магазинчику на окраине Глимербруба, в котором трудились его деды и отец. Вся семья Уитмор была мебельщиками, причём неплохими. Все жители столицы знали и любили их кожаные диваны, дубовые столы, ясеневые шкафы. Маркус не отличался талантом, но отличался исполнительностью. Он прекрасно выполнял своими руками все задумки отца, и не хватало ему лишь одного: художественного взгляда. Он попросту не умел придумать что-то новое, что-то своё. И сколько бы ни сидел над чертежами, а мыслей в голову новых не приходило. По правде сказать, он и не был в восторге от этого. Он больше любил готовить. Потрясающие получались у него морковные пироги, кексы с ирисками, торты с вишней. Но такой талант не приносил ему ни дохода, ни признания, а потому забросил он его далеко и надолго.

Встреча с Люсией была знаменательной. Отец Маркуса Теодор искал человека, который сможет создать несколько фигурок оленей из золота. Заказчиком Теодора на сей раз был весьма богатый и не обделённый вкусом человек, который желал, чтобы именно золотые олени украшали спинку

его новой кровати. Теодор очень ответственно отнёсся к делу и решил нанять профессионала, чтобы олени получились не только изящными, но и реалистичными. Теодор нашёл Люсию в Музее и договорился о встрече, но, к сожалению, сам на встречу прийти не смог. Эпидемия новой страшной болезни, которую разносили кошки по всей округе, скосила и его. То был первый день болезни, и шансов на выздоровление было ещё очень много.

Маркус должен был прийти в Звёздную Таверну в семь вечера. Но почему-то именно сегодня его конь был так непослушен и упрям, что опоздание Маркуса составило целых полчаса. Он увидел Люсию, когда она уже выходила из Таверны. Блеснули её глаза в свете тусклого фонаря, и Маркус больше не захотел уходить от неё.

За кружкой лотосового вина они обсудили заказ, Люсия согласилась выполнить работу. После они поболтали обо всяких мелочах и решили прогуляться вдоль реки. Уже светила полная серебристая луна, река была тихой и спокойной, отражала чёрное ночное небо. Деревянные мостики и резные лавочки украшали реку, в воздухе пахло сыростью, клёном и лотосовым вином. Это был первый вечер Люсии и Маркуса, но совсем не последний.

Любовь вскружила голову молодым очень быстро, и началась их история. Поначалу Люсия чувствовала себя самой счастливой в мире: Маркус носил её на руках, выполнял любой её каприз и возносил её на пьедестал. Люсии снова за-

видовали все вокруг: талантливая, умная, красивая, выходит замуж за пусть и не самого, но всё же достаточно богатого привлекательного Маркуса, которому сулят светлое будущее папин магазин, наследство и талант. Теодор умер всего через пару месяцев после свадьбы сына. Настали тяжёлые времена: мать только и делала, что редела в своей комнате, сильно исхудала, перестала спать и есть, и вскоре покинула этот мир вслед за мужем. Люсия была сиротой (отчего все ещё больше восхищались её талантом и успехом). Ей пришлось взвалить на себя все домашние дела, пока Маркус занимался магазином. Помимо дома, у новых родственников Люсии была своя ферма: несколько куриц, гусей, свиней и коза. Это тоже стало обязанностью молодой жены.

Магазин всё пустел. Маркус продавал лишь то, что уже умел делать. За новые необычные заказы он не брался, а старые не нужны были богачам и аристократам. Люсия долго наблюдала за мучениями мужа в поиске своего таланта, но настал день, когда молча наблюдать было уже нельзя. Маркус принял решение закрыть магазин.

- Мы работаем себе в убыток уже полгода. Если бы не ферма, мы бы умерли с голода уже давно, - Маркус смотрел в окно ипил ароматный тыквенный кофе, сваренный женой минуту назад. - Сегодня вновь пришлось отказаться от заказа. И как ему в голову взбрело заказать стеллаж с крокодилим рельефом?! Нет, ну ты представляешь? Вырезать из дерева настоящие крокодилы хвосты, лапы, глаза, чешую!

И что только в голове у этих людей?!

- Я могу помочь, - Люсия вспыхнула энтузиазмом, но не подала виду. – Ты же знаешь, я умею создавать крокодилов.

- Люси, милая, - Маркус одарил жену снисходительной улыбкой, словно она – пятилетний ребёнок, который принёс папе кляксу на бумаге и просит оценить. – Да, очень милые у тебя получились ящерики для Музея, но мебель – это немного другое, понимаешь? Она должна быть крепкой, качественной, на века. Тут не нужны сувенирные статуэтки.

Люсия промолчала. Она давно смирилась, что её скульптуры – просто милые бесполезные сувениры, сделанные без особого таланта и навыков. Отчего новых скульптур ни в Музее, ни где-либо ещё, не появлялось.

- Но мы же ничего не теряем, если я попробую? – тихо сказала Люсия через пару минут тишины. – Репутация магазина и так пострадала, ты собираешься закрыть его. Давай возьмём последний заказ? А если я сделаю не то, что от меня требуется, то мы ничего не теряем.

Маркус посмотрел на жену всё с той же снисходительной улыбкой. Потом хлебнул кофе, отвёл взгляд к окну и добавил:

- Что ж, тебе всё равно нечем заняться больше, - он поставил кружку и направился к спальне. – Заказчик – Джо Уоллес, хозяин лучшей швейной мастерской «Поталь».

Так и начались совершенно другие времена для семьи Уитмор. Джо Уоллес выкупил потрясающий стеллаж с кро-

кодилым рельефом, Маркус получил оплату и понял, что можно и не закрывать магазин. А сам магазин получил вторую жизнь. Люди снова начали ходить и заказывать, только вот никто не знал, что мебель для них на станке создаёт не Маркус, а сама Люсия, долгими ночами, после целого дня работы по дому и на ферме.

Время шло, и Люсия становилась «всё хуже». Сначала Маркус закопал поглубже талант Люсии: мебель, которую она создавала, нравилась всем, кроме него. Он называл эти произведения искусства самыми обидными словами, которые только знал. Готовила и убиралась Люсия так же отвратительно. Даже пол блестел не так «игриво», как раньше. Животные, по мнению Маркуса, выглядели и чувствовали себя ужасно, ферма выглядела неухоженно, её было стыдно показать людям. Лишь Маркус со всем справлялся хорошо: болтал с заказчиками, выслушивал комплименты в его адрес насчёт «его» мебели, профессионально тратил огромный заработок жены на азартные игры в тавернах и пабах.

Люсия любила его всем сердцем. Не было ничего в мире сильнее её любви. Знала ли она, что Маркус каждый второй вечер тратит заработанные ею деньги на крепкие напитки и азартные игры? Конечно. Откуда бы ещё он мог вернуться под утро, когда она, измотанная работой, только укладывалась спать? Причём возвращался без денег и с запахом дорогого изумрудного виски. Но Люсия молча сносила всё. Ведь нужно же мужу отдохнуть после работы.

Так продолжалось год за годом. Пока Люсия не забеременела. Маркус, естественно, был счастлив. В семье ведь появится наследник великого мебельного магазина, а ему, Маркусу, ничего для этого не нужно делать.

Люсия мечтала стать матерью давно. Только вот загвоздка: придётся выбирать. Бросить работу над мебелью, значит потерять доход и признание, которые так нужны. Бросить работу по дому и ферме тоже нельзя: так семья останется без еды. Совмещать всё это с заботой о маленьком ребёнке? Невозможно. К сожалению, в сутках лишь двадцать четыре часа.

Девять месяцев размышлений ни к чему не привели. Люсия всё ещё не представляла, что же ей делать и что её ждёт. Ответ пришёл так неожиданно, что Люсия даже не стала обдумывать его.

Иногда Маркус слишком уставал, отчего видеться с заказчиками приходилось тоже Люсии. Это был один из таких вечеров. Дул холодный октябрьский ветер, оранжевые и жёлтые листья разлетались под ногами и вихрем уносились вдаль. Над рекой, резными лавочками, мостиком и повисшим в воздухе запахом сырости и клёна, расстилались осенние сумерки. Люсия одёрнула пальто, которое с трудом скрывало её большой живот, и зашагала быстрее, ёжась от холода.

- Я не знаю, что делать, - жалобный голос донёсся до Люсии. Ведомая странным чувством, она остановилась и обер-

нулась. На лавочке сидела рыжеволосая молодая девушка, закрыв лицо руками. Её обнимал крепкий парень в тёплом пальто, со светлыми прядями, торчащими из-под шапки. – Мы уже столько лет пытаемся, но это бесполезно. Видимо, мне не суждено стать матерью.

- Дорогая, любимая моя. Если так решили боги, нам придётся принять это. Но я всегда, всегда буду рядом с тобой, слышишь? Я буду любить тебя до последнего вздоха. Наша любовь и вера сильнее всего на свете. Мы всё преодолеем и обязательно станем родителями. Я обещаю.

С помощью Люсии парень сдержал своё обещание. Так у этой прекрасной семьи и появился долгожданный ребёнок: в корзинке у входной двери, согреваемый октябрьским солнцем и красным одеялком. Маркус же получил новость о том, что его ребёнок родился мёртвым. Конечно, следующие несколько лет Маркус от горя не мог заниматься ни бизнесом, ни женой. Зато смог найти утешение: молодую, лёгкую Грейс, которая была так впечатлена его обаянием и успехом, что его жена не стала преградой для него.

Жизнь Люсии же продолжала идти своим чередом. Чтобы не впадать в уныние, она пообещала себе никогда не узнавать, как поживает та семья с её ребёнком, и обещание она сдержала. Многие годы работы днями и ночами давали о себе знать. Огонь в глазах давно потух, волосы приобрели серебряный цвет, фигура осунулась, лицо стало сухим и морщинистым. В двух статуях, что всё стояли в Музее, жизни

было больше, чем в некогда яркой Люсии. Лишь одно не менялось: её любовь. Маркус оставался всё таким же, и любила она его всё так же.

Одна ночь изменила всё. Ночь, когда Люсия услышала шум с улицы, и пошла проверить. Часто Маркуса приносили домой в беспмятном состоянии его друзья. Но тут в обнимку с его обмякшим телом стояла худенькая Грейс. Она смотрела на Люсию с жалостью и сожалением, большими оленьими глазами. Люсия поняла всё в ту же секунду. Она пригласила Грейс в дом, уложила мужа в спальне. Пока Грейс пила мятный чай, Люсия, как и всегда передела его в пижаму в клетку, сложила его вещи на стул, спустилась вниз.

- Как давно вы вместе, Грейс? – Люсия говорила тихо, понимающим и трепетным тоном, словно Грейс в этой ситуации – бедная жертва, заплутавшая овечка, которой нужно помочь.

- Семь лет. Мы познакомились в Звёздной Таверне, я там подрабатывала за баром. Маркус был тогда в ужасном состоянии. Постоянно рыдал, говорил, что потерял сына, наследника. Сказал, что у него такая никудышная жена, что даже родить нормально не смогла. Что он собирается от неё уйти, потому что так жить больше не может. Мне было жалко его. Он сидел до закрытия, остался один в Таверне. Когда наступило утро, он уснул за барной стойкой. Я пыталась разбудить, узнать, где он живёт, кто его жена, но безуспешно. Пришлось отнести его к себе домой. Я живу там совсем

близко. На утро он поблагодарил, извинился за неудобства и ушёл. Но на следующий вечер вернулся. Принёс цветы. И после этого приходил очень часто. Все семь лет, несколько раз в неделю, он проводил ночь у меня. Скажу честно, Люсия, я не хотела разбивать семью. И сейчас не хочу. Спустя год наших отношений я поняла, что бросать вас он не собирается, и решила сама уйти. Но он сказал, что вы страшно больны, вам осталось недолго, и он не может бросить вас в таком состоянии. И вот прошло ещё шесть лет. И я влюбилась в другого мужчину. Ещё полгода назад я сказал об этом Маркусу, но он продолжает таскаться за мной, преследует везде. Сегодня я нашла его спящим и пьяным на лавочке у своего дома. Решила привести к вам. Простите, Люсия. Если бы я могла хотя бы догадаться, что всё совсем не так, как он говорит, я бы не провела с ним и ночи.

Люсия не злилась. С её глаз не текли слёзы, в сердце не скребли летучие мыши, боль разочарования не давила грудь. Ничего. Только пустота, сметающая всё на своём пути, мёртвая тишина. Когда за Грейс захлопнулась дверь, Люсия вернулась в спальню. Час, а может и больше, она стояла неподвижно, словно скульптура, смотрела безжизненными глазами на спящего мужа. Она любила каждую ресничку на его глазах, любила изгиб его густых тёмных бровей, любила блеск каштановых волос, любила щетину на точёном подбородке, любила, как его алые губы дрожали, когда он сопел или переживал о чём-то. Любила, как он улыбался. Даже его

снисходительная улыбка, когда он говорил о «несуществующих талантах» Люсии удосуживалась её любви.

В нос Люсии ударил до боли знакомый запах. Лotosовое вино. Он пил лotosовое вино, думая о своей возлюбленной. Спустя тридцать долгих лет, ольховые глаза Люсии вдруг снова загорелись.

Больше никто и никогда не видел Люсию Стевец-Уитмор.

Глава 2. Охота на ведьм.

Ведьмы жили в Миднайт Хот с самого его основания, с тех самых пор, когда ещё не было империи Миднайт Хот, было лишь скромное поселение у подножия Драконьего Хребта, на Северо-Западе. Жить они старались вместе, большими семьями в больших поместьях, рядом друг с другом, постоянно поддерживая связь. У них был свой свод правил, Магический Кодекс. По нему они всегда держались в стороне от людей, не нанося им никакого вреда. Политика, экономика – всё это их не касалось. Они жили своей общиной, в которой всё было слажено и не нуждалось в поддержке людей. Целые тысячелетия этот порядок не нарушался. За любую, даже самую малую, магию в сторону людей, будь то помощь или вред, ведьма отвечала перед Судом Инквизиции – специального отряда из обученных людей и ведьм, которые следили за порядком на границе магии и реальности. Чаще всего Суд назначал казнь путём сожжения ведьмы на костре.

Так продолжалось до недавнего времени. Империя Миднайт Хот поделена на графства, в которых у власти стоит один доверенный человек. Графство Твинбрус, самое северное в империи, принадлежало семье Горвуд, с самого его основания. Горвуды прекрасно справлялись: графство процветало. Пока самый молодой из них, новый граф Ирвин Горвуд, не пришёл к власти. Он с помощью тирании и жестоких рас-

прав подчинил себе Отряд Инквизиции и направил всю его силу на полное истребление ведьм в Твинбрусе. Вся империя была шокирована тем, что могущественный Отряд послушался деспотичного графа, а ведьмы не оказали сопротивления. Тогдашний император Миднайт Хот был в ярости из-за наглого поведения графа, лишил его всех почестей и должностей, сослал его в Чёрный Караван – тюрьму на самом юге страны, безжизненную пустыню, отбывая наказание в которой люди мечтали о смерти. Фамилия Горвуд стала нарицательной и означала теперь человека, ненавидящего магию, но спокойствие в империи было недолгим.

Спустя несколько лет Ирвин вернулся. И не просто вернулся, вернулся с огромной армией, с самовольно освободившимися заключёнными Чёрного Каравана и кучей единомышленников. Целью его была не только месть, но и полная власть над империей, и он этого добился. Свергнув императора, он жестоко расправился над ним и его семьёй и захватил власть.

Империю охватывали страх и паника, до мятежа было совсем немного, но Ирвин предвидел это. Назначив себя императором, первое, что начал он вещать во всех уголках империи – он не тиран. Не убивал он никогда ведьм просто так, не заставлял Отряд Инквизиции совершать противоправную и неоправданную жестокость. Оказалось, это ведьмы в Твинбрусе взбунтовались, много появилось случаев вреда простым людям, а в ответ на праведные решения Суда о казни,

они рассвирепели и начали мстить невинным жителям. Пока каждый ослик империи вещал о доброте и справедливости Ирвина, ведьмы вдруг начали бунтовать по всей империи, начиная со столицы, с Глиммербруба. Участились случаи нападения их на невинных жителей. По ночам они пробирались в дома, воровали детей, грабили и убивали хозяев. И справедливый Отряд Инквизиции, по настоянию величайшего и добрейшего Ирвина Горвуда вершил своё правосудие, потихоньку избавляя империю от жестоких ведьм.

Были и странности в этом всё, конечно. Например, зачем ведьмам воровать детей? Зачем грабить? Ведьмы живут в своих поместьях, которые обставлены старинными семейными ценностями. Продать одну шкатулку – и два поколения смогут жить, не работая. Хотя все ведьмы работали. Такова уж их натура – трудолюбие и немагическая польза обществу очень ценятся в их кругах. Плюс все ведьмы отличались блестящими талантами, которыми не мог похвастаться ни один человек. Их картины, книги, песни, всё это нравилось людям, а потому неплохо покупалось. Да и потом, убийства, совершённые ведьмами, были слишком уж простыми. То воткнут кухонный нож в сердце, то затянут удавку на шее. Приложив пару усилий, любая ведьма может убить человека с помощью одного лишь заклинания. Об этом знали все. Ведь среди ведьм тоже встречались преступники или жаждущие мести обманутые жертвы. Убийства руками ведьм были легко отличимы от человеческих, потому что жертва ведьмы

была то обескровлена, то слишком аккуратно обезглавлена, то сердце её было вырвано из груди и валялось рядом.

Следующая странность заключалась в том, что самые известные семьи столицы почему-то не знали ни одну жертву. Чуть ли не каждый день глашатаи горланили по улицам. «Бедная Алия Пирт, её похитили под покровом ночи кровожадные ведьмы, безутешные родители Алиии умоляют Отряд Инквизиции помочь им отыскать дочь и наказать виновных», «Семья Брейенхарт найдена утром с перерезанными глотками, ведьмы совсем обезумели», «Одинокий старик Чарли Чавик убит ночью ведьмами, охотившимися за его коллекцией бриллиантовых статуэток». Но ни о семье Пирт, ни Брейенхарт, ни Чавике никто не слышал. Странные нелюдимые семьи? Может, недавно переехали? Или их знал кто-то другой?

Были и более известные жертвы. Но так уж странно совпало, что жертвами вдруг становились те, которые накануне непременно плохо отозвались либо о новом императоре, либо об Отряде Инквизиции. Каждый, кто сомневался в правомерности действий власти или правдивости их заявлений, вдруг оказывался сам жертвой какой-нибудь кровожадной ведьмы. Совпадение это или нет, никто не знал, но со временем в империи все и боялись, и уважали власть и все действия Отряда.

Время шло. Империя была зачищена от ведьм полностью, наступило затишье. Убийства прекратились, люди могли вы-

дохнуть. Жаль лишь, что из-за ведьм появились другие последствия: слишком много средств было брошено на их отлов и казни. Империя стала беднее, люди стали больше работать и меньше зарабатывать, магазины и лавки пустели. Но император обещает, что вот-вот всё образуется. Нужно лишь немножко подождать. Вера и желание жить лучше не гаснут в сердцах людей, отчего они продолжают стараться, всё больше и больше, на благо семьи, близких людей, государства. Несмотря на «магическое затишье», Отряд Инквизиции не дремлет. По новому закону, изданному не так давно Ирвином Горвудом, убить теперь нужно любую ведьму, которая лишь попадётся на глаза. Запрещена абсолютно любая магия, и любой её носитель должен умереть в очищающем огне костра. Охота на ведьм продолжается.

Глава 3. Особый заказ.

- Плесни-ка мне ещё елового рома, - девушка подвинула в сторону бармена пустой деревянный стакан. Бармен кивнула, достала из-за барной стойки бутылку с тёмным мутным содержимым, откупорила деревянную пробку и налила в стакан ром.

- Ты сегодня сама не своя, Мэй, - сочувствующе сказала бармен. – Постоянно молчишь. Что-то случилось? Я слышала, тебя вызывали в переговорную к императору.

- Да, Джеки, в этот раз слухи оказались правдой. Честно, я не знаю, что делать, - Мэй сделала глоток. Её горло обжёг горький вкус елового рома, но, проливаясь в груди тягучей карамельно-древесной рекой, согрело и давало расслабление. Тревожные мысли утихали, тело становилось мягче, Мэй захотелось рассказать подруге о тяжёлом разговоре.

- Что же он хотел?

Утреннее известие о том, что император вызывает Мэй к себе, слегка подпортило для неё вкус утреннего кофе с имбирным печеньем. Были задания, с которыми император обращался к ней, но они поступали через почтальона в виде краткого письма. Если он вызывает к себе, значит что-то серьёзное. Мэй не стала тянуть, быстро оделась, запрыгнула на коня и помчалась во дворец.

Стражники, серьёзные и подтянутые, молчаливые, как

восковые фигуры, проводили Мэй по бесконечному каменному коридору, украшенному дорогими подсвечниками, коврами, скульптурами и картинами. Во дворце царила тишина и чистота, девушке было не по себе. По мере приближения к переговорной тревога в сердце девушки нарастала.

Император сидел на золотом троне под слабым светом свечей. Перед тронем располагался длинный дубовый стол со стульями. Рядом с тронем, справа – небольшой столик секретаря с печатной машинкой. Мэй видела императора редко и мельком. Лишь однажды, после очень трудного задания, он удосужился лично поблагодарить Мэй, даже пожал ей руку и приветливо улыбнулся. Сейчас же он сидел на троне, насупив брови, смотрел не на девушку, а словно куда-то мимо. Его лицо было испещрено морщинами, походило на рыхлый неудачный пирог желтовато-землистого цвета. Глаза его были стеклянными, нос острым и длинным. Губы нервно сжаты. На лысой голове корона, а на тучном бесформенном теле – шоколадного цвета бархатная накидка.

Император кивнул в сторону двери, и стражники покинули переговорную. Мэй стало ещё больше не по себе. Она молча смотрела в карие глаза императора, надеясь разглядеть в них хотя бы намёк на хорошее настроение, который бы облегчил сейчас её тревогу.

- Присядь, - хриплым голосом тихо сказал император. Мэй села на ближайший к трону стул. Выдержав паузу, император вновь заговорил: - Ты оказала большую услугу им-

перии и мне в частности. Народ может жить и дышать спокойно благодаря тебе. То, с чем не справлялся великий Отряд Инквизиции, справлялась всегда ты. И я думаю, ты понимаешь, зачем я тебя позвал, - император посмотрел в глаза Мэй. Да, теперь она понимала. – Самое опасное место во всём мире – Драконий Хребет. Вокруг него ходят легенды, но не все они являются легендами. Многие из того, что говорят – правда. Монстры, чудовища, существа, даже от названий которых кровь стынет в жилах. Все они созданы ведьмами. И, как ты знаешь, их никто не трогает. Если к ним не лезть, то и они не опасны. Драконий Хребет веками живёт сам по себе, но пришло время это изменить. Стало известно, что именно Северо-Западная часть Драконьего Хребта стала убежищем для одной очень опасной ведьмы. Она жестока, кровожадна. Некоторое время назад она жила в Глимербрубе, натворила здесь много плохих дел, Отряд Инквизиции выследил её и даже ранил. Они были уверены, что она мертва, но она выжила и скрылась в горах. Посылать армию на Хребет означает отправить их на верную смерть. Рисковать таким количеством воинов и охотников я не могу. И я бы не обратился к тебе, если бы ситуация не обрела неожиданный и трагичный поворот. В конце концов, твой покойный отец был профессионалом своего дела, он был предан Империи как никто другой, и справлялся со всеми заданиями на отлично, даже самыми сложными и опасными. Как жаль, что сейчас его с нами нет. Я уверен, его смерть – проделки

ведьм, жаждущих мести и крови. Мерзкие существа. Я вижу, как ты похожа на него. Такая же сильная, смелая, преданная. Только тебе я могу доверить это опасное задание.

Император подошёл к единственному в переговорной окну и замолчал. Тишина окутала помещение тревогой и страхом, лишь барабнящий на улице дождь напоминал Мэй, что она жива, она здесь, её сердце всё ещё бьётся.

- У меня шестеро детей, Мэй. Все они дороги мне, как воздух, как вода, как вся моя жизнь. Мой младший сын, Тревор Горвуд, оказался слишком амбициозен. Его рвение к схваткам, опасностям, защите Империи оказалось слишком велико. Он услышал о том, что опасная для нашего государства преступница скрывается в горах, собрал доспехи и отправился к ней, - император снова выдержал паузу и вернулся на трон. – Мой сын пропал на Драконьем Хребте, Мэй. Уже не один отряд воинов, стражей, инквизиторов и охотников пытался найти его. Но вот уже неделю от него нет ни слуху, ни духу. Как и от тех, кого я отправил на его поиски. Ты – моя последняя надежда. Я знаю, что твой талант охотницы, всеобъемлющие знания о магии, а также ненависть к мерзким ведьмам – то, что уже неоднократно спасало Империю, и сейчас это те качества, которые могут спасти моего младшего сына.

Как только император замолчал и выжидающе посмотрел на Мэй, девушка встала ровно, словно оловянный солдатик, посмотрела в глаза императору взглядом, полным уверенно-

сти, готовности к бою, жажды спасения.

- Великий император, для меня большая честь стать вновь полезной Вам, Вашему сыну и нашей Великой Империи. Я сделаю, всё, что от меня требуется и даже больше. Ради Вас и Вашей семьи отдать свою жизнь – для меня награда. Даю Вам слово сделать всё, что смогу, чтобы вернуть Вашего сына целым и невредимым, а голову мерзкой предательницы доставить Вам.

Мэй поклонилась. В глазах императора, всегда таких пустых и гордых, мелькнула надежда. Он мог отдать всё, лишь бы вновь увидеть сына, и вот он услышал то, что придало ему надежды. Он и не сомневался в Мэй. Она была верна Империи и принципам ненависти к ведьмам.

- Мэй - Джеки, только что услышавшая о содержании разговора императора с подругой, с жалостью смотрела на неё. – Я даже не знаю, что сказать. Это же так опасно

- Я знаю. Я читала всё, что известно о Драконьем Хребте. Люди не знают и половины из того, кто составляет население этого места. Но я и знаю некоторые секреты, связанные с этим местом. Джеки, у меня нет выбора, ты же знаешь. Да, я действительно могу отдать жизнь за Великого Императора и нашу страну, но ты же знаешь, если бы я отказалась, я бы умерла как предательница, повешенная на Рассветной Площади. Таков закон, и он прав.

- Я горжусь тобой. Ты так много уже убила этих мерзких ведьм, знаешь, я уверена, что и с этой ты справишься. Я буду

очень скучать, буду молиться за тебя, дорогая подруга. Береги себя.

Джеки тепло улыбнулась. То ли третий стакан рома, то ли улыбка Джеки так согрела Мэй, но ей стало так тепло и хорошо, что поклонило в сон. Идя по тёмной ночной улице под моросющим дождиком, Мэй думала о Звёздной Таверне. Вот уже многие годы она приходит туда по вечерам. Иногда выпить, а иногда просто пообщаться с Джеки, которая уже двенадцать лет там радуется народ согревающими в любую погоду напитками. Родители Мэй умерли уже давно, ещё когда она только отучилась в школе. Тогда она только-только решила, что из её знаний о магии и навыках стрельбы из лука пора извлекать пользу: Мэй решила стать охотницей на ведьм. Но не успела сказать об этом любимым маме и папе. Они, как и полагается влюблённым, умерли в один день. Жуткий пожар, обрушившийся в тот день на Ясеновую улицу, за считанные минуты превратил всю жизнь Мэй – её дом, родителей, книги, - в пепел. А потому сейчас, под тёплым августовским дождём, Мэй думала о Звёздной Таверне. Самом родном месте, которое у неё было. Джеки и её барная стойка – вот, по чему Мэй будет скучать, выполняя задание в горах. «Я вернусь, обещаю» - прошептала Мэй, обернувшись к Таверне.

Глава 4. Паб «Голова гнома».

Дорога обещала быть долгой и утомительной. Несколько дней и ночей в пути оставляли на Мэй и её лошади следы усталости. Но вот уже был виден конец этой долгой дороги и начало большой миссии, ради которой всё и затевалось. Окрестности Твинбруса, самая холодная часть Империи, уже покрытая осыпавшимися листьями и ледяными осенними ветрами, подходили к концу. Мэй находилась на самой окраине графства, в месте, где процветали нищета, болезни и беззаконие. Здесь было жутко даже днём, что уж говорить о холодной ночи конца августа. У лошади уже совершенно не осталось сил и Мэй понимала: пора отдыхать. И чем больше, тем лучше. Ведь до Сумрачного Леса, окружающего Драконий Хребет, рукой подать. Блуждая по разбитым улочкам серого городка, Мэй искала пристанище. Конечно, ей хотелось оставить лошадь в тёплом месте, в котором бы она тоже неплохо могла отдохнуть и набраться сил, но улица была наполнена лишь какими-то полуразвалившимися каменными домиками, между которыми жили свою лучшую жизнь огромные крысы, уютно разместившиеся на кучах мусора. Наконец, Мэй приглянулся яркий свет, доносящийся из одного домика в самом конце улицы.словно луч света в полной темноте, окошко этого домика давало Мэй надежду на последнюю нормальную ночь перед миссией. И было

таким счастьем, что прям слева от домика был большой навес со столбами и настеленным на полу сеном. Своеобразная стоянка для лошадей. Как же удачно. Мэй не могла нарадоваться своей удаче. Привязав лошадь, она оглядела дом. Он выглядел более крепким, чем все в округе, но всё же был немного покосившимся. На окнах виднелись трещины, крыша выглядела совсем уж ненадежно, кое-где её явно прогрызли крысы. Единственное, что внушало доверие – тяжёлая дубовая дверь. Крепкая и надёжная. Над ней – вывеска с надписью «Голова гнома» и изображением хитро улыбающейся гномьей мордашки в зелёном колпаке. Некоторые буквы с вывески отпали, на их месте лишь были невыцветшие на солнце тени букв, когда вся остальная вывеска была бледной и старой. Из окон доносился не только свет, но и музыка, крики, смех, топот. Местный паб на окраине. Что ж, тоже неплохо. Выпить, пообщаться с местными жителями, узнать за ночлег. Может, и что-то съестное найдётся.

Паб, конечно, не выглядел особо уютно внутри. Всё было так же, как и снаружи: облезлые стены, вместо барной стойки длинный ряд самых разных кухонных тумб, за которыми сидел в старом поломанном кресле худощавый старик с повязкой на глазу и постоянно громко смеялся, обнажая почти беззубый рот. Несколько столов, стульев и диванчиков, которые явно давно пора выкинуть. Тусклый свет свечей, скрипучая музыка и запах пыли вперемешку с табаком и крепким алкоголем. Люди вокруг выглядели так, словно прожили всю

жизнь в Чёрном Караване. Старые, уставшие, в каких-то обносках.

Поговаривали, что в графстве Твинбрус раньше не было таких местечек. Это было уютное северное графство, в котором всегда царила атмосфера праздника и процветающей аристократии. В основном, здесь жили богачи и трудяги, которые добывали золото в местных шахтах. А ещё Твинбрус называли «графством гномов», потому что местные жители верили в их существование. Говорили, что гномы помогали в шахтах, благодаря чему золотодобывающая отрасль не стояла на месте. Здесь всегда было полно всех этих милых гномьих вещиц: дети любили ходить в колпаках и с накладной бородой, в каждом саду стояли фигурки гномов, отмечали «Гномий Ямс» - праздник, в который благодарили гномов, передавали через шахтёров им подарки, запекали печенье в виде гномов и делали любимое гномье угощение – тыквенный пирог. И, конечно, много работали. Убирали в саду, собирали урожай, украшали город, чистили улочки, читали стихи на площади. Но потом, с приходом Горвуда к власти, гномы стали олицетворять что-то загадочное, таинственное, одним словом – магическое. Конечно, самих гномов не существовало никогда, но верить в них было так же плохо, как верить в доброту и бескорыстность ведьм. Поэтому вся эта шелуха ушла на второй план. Давно уже никто не отмечает Гномий Ямс, не ставит гномов в саду и не носит колпаки и бороды. Но главное, что изменилось в Твинбрусе – золо-

тые шахты перестали приносить доход. Золота в них вдруг просто кончилось, а иногда, когда кто-то из работяг всё же находил какой кусок, этого едва хватало на зарплату шахтёрам. Графство быстро обеднело, а холодный его климат добил ситуацию. Уровень бедности и бандитизма заметно вырос, а люди озлобились от усталости и холода. Теперь Твинбрус стараются объезжать стороной.

Мэй посмотрела на покосившуюся табуретку возле «барной стойки». Неизвестно, выдержит ли она хоть кого-то, но Мэй после долгой дороги так хотелось посидеть хоть на чём-то, кроме лошади.

- Есть еловый ром? – спросила Мэй у одноглазого старика.

- А не рано ли такой красавице пить алкоголь? – ехидно прохрипел старик.

- Если ты думаешь, что у меня есть настроение выслушивать твои мерзкие шуточки, то ты ошибаешься. Хочешь налить мне выпить или ещё поиспытывать судьбу, домогаясь до меня?

- Какая дерзкая. Ты откуда такая? Не боишься сидеть тут одна?

- Старик, у меня есть официальное разрешение на убийство и оружие с собой. Думаешь, я получила всё это за нежную улыбку и добрый взгляд?

- Ладно, держи свой ром. Ты из Отряда? У нас тут давно не проходит отлов, всех давно казнили.

Ром в бутылке был мутно-зелёного цвета, отчего доверия

к напитку было мало. Но и выбора у Мэй не было. Она сделала глоток из деревянного стакана и чуть было не выплюнула обратно. На ром из столичной таверны это мало походило. Вкус был, словно ёлку облили бензином и добавили сверху углей из костра.

- А настоящий еловый ром у вас имеется? Или только это убожество?

- Ну, ты точно не местная. Даже не из нашего графства.

- У меня задание от императора. Отправляюсь на Драконий Хребет.

Глаз старика округлился, брови поднялись. Пара мужчин, что сидели рядом и еле ворочали языками в увлекательной пьяной беседе, замолчали и обернулись.

- Одна?! Туда давно не отправляют ни воинов, ни стражников, ни Отряд. Почему в такое опасное место отправляют одну девочку?

- Я – личная наёмница нашего великого императора. Мой отец был охотником Лиги, который отказался служить Лиге и служил императору.

- Так ты – дочь Дариуса Шторма?

- Ты знал его?

- Все знают о нём. Великий человек. Долгое время состоял в Лиге Охотников, но, как известно, император долго пытался подчинить её себе. Смог подчинить только Дариуса, так как его верность Империи оказалась сильнее верности Лиги. Его ненавидели все ведьмы и все охотники, считали преда-

телем и крысой, которую купил император. Но народ-то знает правду. Нас не проведёшь. Дариус служил именно нам, простым людям. Делал всё для нашей защиты. В конечном итоге он стал предводителем главного Отряда Инквизиции в Империи, убил столько ведьм, что ему даже скоро поставят памятник. Я уверен, что тот пожар, в котором он с женой погиб, не случайность. Это всё мстительные ведьмы или бывшие дружки-охотники.

- Ты действительно Мэй Штурм? – спросил один из пьяниц, что сидели слева от Мэй. До неё донёсся запах его перегара, отчего Мэй начало подташнивать. А голод и усталость это только усиливали.

- Да. Старик, а еда есть?

- Для нашей новой гостьи есть всё, - хитрый и мерзкий тон старика сменился добрым и радушным. Хотя, кто знает, может Мэй просто показалось, после выпитого рома.

- Говорят, ты пошла по стопам отца. Уже немало ведьм прикончила, при том, что не требуешь взамен золота и драгоценностей. Говорят, вообще живёшь скромно. Знаешь, конечно, о твоих способностях и силе говорят много хорошего, но всё же, почему тебя отправили на Драконию Хребет одну? Ведь ты даже не принадлежишь Лиге, да и очень молода. Почему ты не состоишь в Отряде? Неужели, не берут? – мужик с перегаром всё не успокаивался. Энтузиазм и любопытство были сильнее даже его алкогольного опьянения, он всё говорил и говорил без умолку.

- Держи, всё, что есть, - старик достал из тумбочки тарелку рыбных палочек, несколько кусков чёрствого хлеба и пару солёных огурцов. Мэй дала ему пару монет, но старик отказался. – Мы благодарны тебе и твоему покойному отцу за всё, что вы сделали и делаете. Ешь на здоровье.

- Спасибо, - Мэй надкусила палочку и повернулась к любопытному мужику. – Меня долго звали в Отряд, но я не хочу. Я делаю то, что делаю. Для отца и для Империи. Мне для этого помощники не нужны. Меня отправили на Хребет, потому что мне доверяют. Я справлюсь. И никакая Лига мне не нужна.

- Звучит слишком самоуверенно, - за спиной Мэй раздался бархатистый басистый голос, а на её плечо опустилась тяжёлая смуглая рука с татуировкой рун на пальцах.

Руны. Охотник.

Лига Охотников существует столько же, сколько существуют ведьмы. Существует легенда, что в те древние времена, когда люди и ведьмы жили в согласии друг с другом, одна из ведьм влюбилась в человека, которому дала слишком многое. Она так боялась потерять его и так хотела защитить от любой беды, что, пойдя против всех ведьминских принципов, наложила на него заклинание, которое дало ему большую силу. Руны на его руке означали, что он – сильнейший из людей. Руна на указательном пальце говорила о крепком здоровье, которое не может скосить ни одна болезнь, руна на среднем пальце – о такой ловкости, что никто и никогда не

увидит его даже при свете дня, если он того не захочет, руна на безымянном – об остром уме, позволяющим выйти из любой сложной ситуации, руна на мизинце – о развитых органах чувств, позволяющих лучше слышать и видеть, а руна на большом пальце давала безграничную силу, которой нет ни у одного из людей. Таким образом, тот парень стал сильнее всех людей, хотя и не мог стать таким же, как ведьмы. Та ведьма стала изгоем, её очень быстро лишили сил, а её возлюбленный оказался не просто завистником и лжецом. Он лишь использовал влюблённую в него ведьму, чтобы получить то, что ему нужно, а потом, став сильнее, убил её. Так и началась охота на ведьм. Он основал общество мужчин и женщин, ненавидящих ведьм, поделился с ними своей силой и назвал это Лигой Охотников. Охотников на ведьм. Каждый, у кого появляется эта сила, появляется и соответствующая руна на пальце. Вступив в Лигу, можно получить только одну, но, увеличивая свою силу с помощью тренировок и многочисленных убийств ведьм, можно получить и ещё руны.

На руке, которая легла на плечо Мэй, было три руны. Большой, указательный и средний пальцы. Руна на мизинце могла быть только у одного охотника – у лидера.

Мэй подняла голову. На неё смотрел высокий крупный и крепкий, как скала, смуглый парень с чёрной бородой, выглядывающей из-под капюшона. От него пахло холодным лесом после дождя, крепким алкоголем и миндалём.

- О, Призрак! Давно тебя не видели, - улыбнулся одноглазый старик и поднялся с кресла, чтобы пожать руку охотнику.

Глава 5. Эльфийские леса.

Мэй и Призрак выбрали «уютный» столик в углу паба. Там было особенно темно и пыльно, из окна доносились завывания ветра и даже слегка чувствовались его морозные порывы через щели и трещины на стекле.

- Какая бы ты ни была способная, Мэй, отправить тебя на Дракониий Хребет – очень глупое решение, - Призрак сделал глоток гоблинского эля и отвёл взгляд в сторону. Под капюшоном охотник прятал янтарные глаза, которые блестели под слабым светом свечей, как текучий мёд на солнышке. Волосы его были слегка растрёпаны, немного грязными, и эта неопрятность придавала ему особенно привлекательный вид. Он был, словно медведь, большой, грозный, но такой мягкий и тёплый. Его фигура, уверенный взгляд, крепкие руки и небрежные черты лица вселяли уверенность, чувство безопасности.

- Разве можешь ты так сомневаться в решении Великого Императора? – Мэй вскинула бровь. Её нос слегка дёрнулся от недовольства и непонимания.

- Ты, наверное, мало знаешь об охотниках. Мы не подчиняемся власти. У нас своя система, своя власть. Тот факт, что мы не свергаем правительство, не устраиваем бунты и мятежи, не совершаем разбои и грабежи, вовсе не означает, что мы подчиняемся. Нам просто не интересно это, понимаешь?

– на этом слове он пристально посмотрел ей в глаза. Мэй почувствовала себя, как тающий на солнце снег, и каждый глоток рома, и каждый взгляд большого мужчины усиливал это ощущение. Она казалась самой себе такой крошкой по сравнению с ним, словно он сейчас обхватит её всю своей огромной тёплой ладошкой и засунет себе в карман вельветовой серой толстовки. – У нас нет цели захватить мир, нет цели подчинить себе невинных людей, мы, наоборот, хотим освободить их. И пока правительство занимается своими делами, даже не подозревая о нашей великой миссии, мы идём к своей цели.

- Освободить? От ведьм?

- Почти. Слушай, я не могу рассказать тебе всё. Лучше ты мне скажи. Какой глупой надо быть, чтобы согласиться отправиться на Драконий Хребет? Или у тебя не было выбора?

Мэй нахмурилась. Она ненавидела, когда её называли глупой. Обычно она сразу доказывала силой, что она не глупая. В ловкости и физической силе Мэй действительно превосходила многих, хотя и не была крупной. У неё имелись рельефные крепкие мышцы, но крупной или устрашающей её фигуру назвать было сложно. И, несмотря на это, удары её были весьма болезненны для её обидчиков. Бить Призрака ей не хотелось. Нет, она не боялась его, но на него словно не хотелось злиться и нападать. Даже то, как он назвал её глупой, звучало как-то по-доброму, что ли.

- Во-первых, я считаю своим долгом служить Императору.

Это дело моего отца, дело моей жизни. Я готова отдать жизнь за процветание Империи. Во-вторых, с чего ты взял, что я не справлюсь? Знаешь, почему мне доверяет Император? В отличие от Отряда и воинов я знаю очень много. Я побеждаю ведьм не только силой, но и умом. В моих руках оружие покруче сабли и лука, это знания. И о Драконьем Хребте я знаю больше, чем кто-либо из них.

- У тебя она есть, да? – Призрак заговорил очень тихо, почти не слышно. Он приблизился к лицу Мэй, отчего запах миндаля стал ощущаться ярче. Взгляд Мэй упал на косой шрам на переносице охотника. Достаточно глубокий, кожа на нём была заметно светлее. Он шёл от его левой брови и заканчивался у правой ноздри. В голове девушки сразу возникла картина, как этот большой сильный парень сражается со старой, скрюченной ведьмой, которая направляет на него магический луч, от которого он не успевает увернуться, и на его шероховатой коже цвета кофе с молоком появляется шрам, делающий его лицо ещё более привлекательным. – Книга о ведьмах? У каждого охотника она есть, и я предполагаю, что когда Дариус ушёл из Лиги, он решил не избавляться от неё. Наверняка столичные охотники искали его именно из-за этого. По большей части, нам плевать на предателей. Он не первый, кто решил отправиться на государственную службу вместо выполнения нашей великой миссии. Знаешь, неудивительно. Там хорошо платят, обеспечивают всем: жильём, питанием, медициной. Я уверен, вы жили хорошо, бла-

годаря его решению уйти из Лиги. Иначе пришлось бы всю жизнь кочевать из леса в лес и питаться белками и оленями на костре. Но хранить книгу он не мог. В ней всё, что известно о ведьмах, и как их убить. Люди не должны даже знать о её существовании, не то, что видеть её или читать. Так что, вряд ли охотники искали его из жажды мести, скорее, просто хотели забрать то, что может принадлежать только им. И, я так понимаю, сейчас она у тебя.

- Нет, Призрак. Она сгорела в том пожаре, который унёс жизнь моих родителей. И да, он ушёл из Лиги не ради денег и удобств. Кое в чём ты ошибся. И вот ещё в чём: я не глупая. Я знаю про Источник, знаю про то, что охотники не просто хотят истребить ведьм, но и подчинить себе драконов и завладеть их силой. До прихода к власти Великого Императора о ведьмах и охотниках знали мало, люди жили как бы сами по себе. Потом же, ведьмы решили захватить власть над людьми, превратить их в своих марионеток. Того же хочет и Лига. А Император хочет избавиться от Источника, который даёт магию, и тогда весь этот кошмар закончится, настанет мир.

- Значит, Дариус всё же выдал книгу Императору. Что ж, тогда всё очень плохо. Ничего, девочка, скоро ты всё узнаешь и всё поймёшь. А пока поспи.

На этих словах весь мир вокруг Мэй поплыл, цвета потускнели, голоса стихли. Голова стала такой тяжёлой, а веки ватными, что тело Мэй просто обмякло на обшарпанном де-

ревянном столе.

Пятнадцать лет назад. Глиммербруб, Ясенева улица.

Рассветное солнце озарило лучами белокурые кудри. Было так ярко, что лица почти не было видно, только нежные тонкие губы, сияющие в тёплой улыбке. Девочка лежала головой на его коленях, чёрные гладкие волосы, словно жидкий шёлк, струились по его ногам вниз, к скрипучему деревянному полу. Комната была наполнена светом, теплом, морозным зимним воздухом с улицы, детскими игрушками, книжками, запахом хрустящего снега, тёплого молока с мёдом и имбирными пряниками.

- Пап, а ты завтра снова уедешь? – спросил нежный детский голос.

- Да, моя ночка, уеду, - его голос звучал тепло и мягко, растекался по ушам, словно медовое молоко, которым пахло в комнате.

- Надолго?

- Не знаю. Но обещаю, что вернусь, - папа всегда держал своё слово. Он всегда возвращался, заполняя радостью всё вокруг, словно рассвет после долгой ночи.

- Почему ты не останешься дома?

- Моя любимая отважная Мэй. К сожалению, кругом полно ведьм, которые несут в себе огромную угрозу. Они злые и кровожадные. Твой папа помогает нашей Великой Империи, нашему доблестному повелителю избавиться от них.

- Но почему это должен делать ты? Разве повелитель не

может сам их убить?

- Он один, а ведьм много. Мэй, пойми, наша Империя – самое важное, что у нас есть. Она даёт нам крышу над головой, еду и воду, безопасность и возможность наслаждаться каждым прожитым днём. Наш Император очень многое сделал для нас, мы должны ответить ему тем же. Как ты защищаешь свои игрушки, когда кто-то хочет их отобрать, так и мы все должны защищать Империю, когда на неё нападают. Это наш долг.

- Я тоже буду охотиться на ведьм, когда вырасту?

- Если захочешь, я обязательно тебя научу. Но сначала нужно закончить школу, хорошо?

- Хорошо.

Повисла тишина. Тёплая, уютная тишина. Был слышен скрип снега под окном, видимо, во дворе снова шастали собаки. Было слышно спокойное, размеренное дыхание отца, стук его сердца.

- Пап, а почему я не похожа на тебя и маму? – Мэй вдруг решила узнать это именно сейчас, вопрос возник в голове из ниоткуда.

- Ты – ночь. Звёздная прекрасная ночь. Я – солнечное утро, рассвет. Видишь, какой я светлый? – папа шутливо улыбнулся. – Мама – жаркий летний день. А ты – восхитительная ночь. Ты нужна, чтобы вслед за тобой наступило утро, а за ним – день.

Мэй уже тогда понимала, что это лишь красивая сказка

для любимой дочери. Наверняка, у их непохожести вполне безобидные и понятные причины, но эта сказка была любимой для Мэй. Она чувствовала себя такой нужной и важной после этих слов.

Что-то с грохотом упало на пол

Мэй хотела было резко вскочить, но не получилось. Голова была тяжелой, в глазах всё плыло, тело было ватным, ей было ужасно холодно и её трясло, а во рту словно началась ужасная засуха. Она медленно повернула голову в сторону исходящего недавно шума. Сон кончился.

В домике, где лежала Мэй, пахло мёдом и миндалём. Было чисто и уютно, словно домик какой-нибудь феи. На маленьком окошке у кровати – нежные бежевые занавески в цветочек, в центре комнаты большой пушистый ковёр, а стены – в книгах. Резные стеллажи, разных размеров и форм полочки с книгами, в стене справа – большая арка, за которой виднеется кухня, а прямо перед кроватью Мэй – тяжёлая дубовая дверь. Кровать Мэй была мягкой, а девушка была укрыта пушистым зелёным пледом, но её это не спасало от озноба. Источником шума, что разбудил Мэй, был Призрак. Он стоял у арки и уронил с полки какую-то тяжёлую книгу.

- Что происходит? – хрипло проговорила Мэй. Призрак обернулся. Он был в одних спортивных штанах на голое тело, волосы были мокрыми и слегка взъерошенными, а на плечах виднелись татуировки – какие-то узоры.

- Очнулась. Доброе утро, - Призрак говорил спокойно

и непринуждённо, словно всё происходящее – вполне нормальный и логичный исход событий. Он сел на кровать рядом с Мэй. – Ты у меня.

- Что я тут делаю?

- Ты была слишком болтливой вчера, мне пришлось немного тебе помочь.

- Ты что-то подсыпал мне?

- Да. Это для твоего же блага.

- Зачем?

- Это не столица, Мэй. Это окраина обедневшего городка, место, от которого рукой подать до Драконьего Хребта. Ты хотя бы немного понимаешь, что здесь за люди? А я скажу. Бедные и злые. Ты разболтала всему пабу, что ты из столицы, ты – доверенное лицо самого императора, и что ты отправляешься туда, откуда можешь и не вернуться живой. Ты сама-то понимаешь, насколько ты – лёгкая добыча?

- Ты, огромный перекаченный борец с несправедливостью, решил, что раз я такая хрупкая на вид, да ещё и, как ты самоуверенно подумал, «болтливая глупая девочка», то я не смогу постоять за себя перед кучкой жадных стариков?! Я не перестаю поражаться человеческой глупости и самонадеянности, Призрак.

- Твоё «спасибо» принято.

- Ага. Можешь засунуть его в ближайшего немощного старичка, с которым собираешься сражаться.

- Какая ты хамка. Наверное, чувствуешь себя паршиво?

– Призрак всё ещё смотрел на Мэй с неким состраданием. Несмотря на то, что девушка недовольно сжала губы и отвернулась к окну. – Я заварил чай с жасмином и вишней, отлично помогает встать на ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.